192201

Къ процессу Ген. Стессель.

АРТУРЦЫ

г. Ножину

ПО ПОВОДУ ЕГО „ПОСЛѢДНЯГО СЛОВА

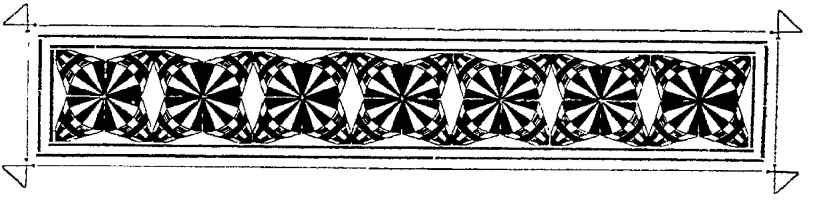
Генералу Стессель“.

Изданіе Е. К.

БИБЛИОТ...

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія «Надежда», Морская, 65.
1907.

11 30" 38"



„Минуло три года, какъ въ глазахъ близорукихъ людей оборона Артура злой волей единаго лица, неожиданно и предательски *сдавшаго* его врагамъ, *сведена почти на нѣтъ*“, — такъ начинаетъ г. Ножинъ „свою послѣднюю ложь о генералѣ Стессель“.

На что вы разсчитываете, г. Ножинъ? На поголовную безтолковость или безпамятство публики?!...

Вы хотите (немного поздно) подчистить вами напачканное, указавши публикѣ, что слава Артура *сведена на нѣтъ его сдачей*.

Съ фактомъ сдачи крѣпости, г. Ножинъ, Россія примирилась тогда же, убѣжденная, что крѣпость сдалась не только умершей, но и на половину истлѣвшей. Это видно по тѣмъ встрѣчамъ, какія народъ устраивалъ генералу Стессель на всемъ его пути до Петербурга и въ самомъ Петербургѣ.

Заслуженно или нѣтъ принималъ генералъ Стессель эти почести—это другой вопросъ; допустимъ, что незаслуженно; фактъ тотъ, что народъ, считая его представителемъ гарнизона, выражалъ ему, какъ таковому, прощеніе за сдачу и благодарность за нечеловѣческую работу по оборонѣ.

Но вотъ, когда появилась ваша „правда“, вдохновленная генераломъ Смирновымъ, о томъ, что крѣпость (гарнизонъ) была сдана полная силы и желанія обороняться, что генералъ Стессель ничего тамъ

не дѣлалъ и никто его не зналъ, какъ воина,—россіяне смутились и, вполнѣ естественно, первый-же упрекъ бросили не столько генералу Стессель, какъ гарнизону: „позвольте, милые господа! Вы, оказывается, были здоровы, сыты, васъ было много, и вы подчинились какому-то Стесселю, котораго вы давно знали, какъ труса и негодяя, и подчинились, даже не попытавшись обойтись безъ этого генерала, съ которымъ у васъ, по увѣренію г. Ножина (стр. 4), никогда и не было духовнаго единенія; кто же вы-то сами, господа, послѣ этого?"

Негодяи! отвѣчали сами себѣ гг. Россіяне и были совершенно правы.

Да, г. Ножинъ, тотъ, кто слѣдуетъ безропотно за измѣнникомъ и негодяемъ, не можетъ быть инымъ, какъ негодяй.

Вы и ваши вдохновители поняли теперь, что вы надѣлали, но поздно. Нужно было объ этомъ подумать еще въ 1905 году; теперь ни вамъ, ни суду былой славы Артурскому гарнизону не вернуть.

На стр. 4 вашей брошюры вы говорите „объ офицерахъ-рыцаряхъ, которые никогда не простятъ и не забудутъ, какою цѣною, *помимо ихъ воли* (?), имъ пришлось купить право жизни". Жаль, что вы не назвали этихъ офицеровъ! Мы бы спросили этихъ „рыцарей", почему они молчали, какъ рыбы, когда „помимо своей воли" покупали „право жизни", а заговорили, лишь отъѣхавши отъ Артура на почтительное разстояніе?—Это называется: „махать послѣ драки кулаками".

Далѣе вы приводите пронумерованные факты, но ихъ не разъясняете; позвольте это сдѣлать за васъ: 1) „Покушеніе Килевича, который на судѣ пожалѣлъ, что не убилъ генерала Стессель"... вы въ скобкахъ ставите, промахнулся.

— Нужно вамъ сказать, г. Ножинъ, что это покушеніе было совершено задолго до войны.

Поручика Килевича генералъ Стессель удалилъ изъ полка (по рапорту того же полковника Селлиненъ, о которомъ вы далѣе говорите) за то, что офицеръ этотъ, прибывши изъ Россіи въ полкъ, представился командиру полка (Селлиненъ) въ полковомъ собраніи..... подъ столомъ, спящимъ и окруженнымъ собственной рвотой.

Стрѣляя на вокзалѣ (мѣсяцъ спустя послѣ нанесеннаго ему ген. Стессель оскорбленія), онъ не промахнулся, такъ какъ въ Стесселя и не стрѣлялъ, а выпалилъ въ упоръ въ командира саперной роты подполковника Жданова [1]), который находился отъ Стесселя въ 20 шагахъ въ отдѣльной группѣ офицеровъ и спиной къ Стесселю; этотъ „промахъ" простителенъ, такъ какъ, Килевичъ былъ пьянъ въ такой мѣрѣ, что адъютантъ полка еще до этого происшествія два раза отвозилъ его съ вокзала домой, но тотъ возвращался.

2) „Исторія съ телеграммой поручика Карселадзе и преслѣдованіе полковника Селлиненъ. (См. соч. ген.-маіора Костенко „Осада и сдача Портъ-Артура")".

Исторіи этой подробно не знаемъ, но достаточно одной ссылки на ген.-маіора Костенко, чтобы точно опредѣлить цѣнность этого „факта".

Объ этомъ генералѣ Костенко можно кое-что разсказать, о чемъ вы, г. Ножинъ, прекрасно знаете, но, понятно, не пишите.

Однажды, уже во время осады, генералъ Костенко явился въ 5 часовъ утра къ генералу Стессель на квартиру, въ докторской тужуркѣ, весь испачканный мѣломъ и, когда удивленный генералъ Стессель спросилъ его, что значитъ этотъ маскарадъ и зачѣмъ онъ пожаловалъ, Костенко объяснилъ: что онъ прямо изъ ресторана, гдѣ игралъ съ однимъ докто-

---

[1]) Ждановъ, нынѣ полковникъ, командуетъ 3-мъ Восточно-Сибирскимъ саперным батаріономъ: пуля до сихъ поръ сидитъ у него подъ ключицей. Адресъ: Хабаровскъ

ромъ на билліардѣ, очень торопился, а потому и надѣлъ по ошибкѣ его тужурку, но что собственно не въ этомъ суть дѣло, а въ томъ, что докторъ оскорбилъ его дѣйствіемъ, и что онъ, Костенко, явился просить у генераля Стесселя защиты, такъ какъ время военное, на дуэли онъ драться не можетъ, а допускать такое неуваженіе къ его генеральскому достоинству нельзя.

На другой день генералъ Костенко явился къ генералу Стессель въ парадной формѣ, извинился за свой вчерашній видъ и объяснилъ, что инцидентъ съ докторомъ исчерпанъ.

Мнѣ кажется одного этого достаточно, чтобы не ссылаться на слова генерала Костенко.

3) Преслѣдованіе комиссара Вершинина выразилось въ томъ, что генералъ Стессель назначилъ его командовать батареей, чтобы дать ему возможность боевымъ подвигомъ смыть полученное имъ отъ морского офицера Иванова оскорбленіе дѣйствіемъ. Дѣло это по рапорту Вершинина *„О покушеніи Иванова на его жизнь“* было начато еще въ Артурѣ, но закончилось въ нынѣшнемъ году въ Кронштадтѣ арестомъ Иванова за нанесеніе Вершинину побоевъ безъ членовредительства (признаковъ „покушенія на жизнь не оказалось“). На назначеніе же командиромъ батареи Вершининъ отозвался запамятованіемъ артиллерійскаго дѣла, ввиду продолжительнаго состоянія на службѣ по военно-административному управленію на окраинахъ... (Два года передъ тѣмъ онъ былъ офицеромъ Квантунской Крѣпостной Артиллеріи).

Не правда ли мило?

По поводу же издѣвательства надъ Сахаровымъ, спрошу Васъ, г. Ножинъ,—не въ личномъ ли представленіи капитана Сахарова (бывшаго градоначальника гор. Дальняго) къ награжденію орденомъ Св. Георгія выразилось издѣвательство генерала Стесселя?

Прочтите приказъ генерала о Сахаровѣ.

Я думаю, многіе изъ офицеровъ пожелали бы испытать такое издѣвательство надъ своей работой.

4) Глумленіе надъ религіознымъ чувствомъ гарнизона... Полноте, г. Ножинъ!

Развѣ выносъ святынь въ безопасное мѣсто и снятіе часовыхъ у опустѣвшей церкви—издѣвательство?

5) Несправедливость въ награжденіи офицеровъ.

Объ этомъ не будемъ говорить,—каждый считаетъ себя достойнымъ, и если вы спросите не получившаго награды, почему онъ не получилъ, то онъ, навѣрное, не скажетъ, что онъ ничего не дѣлалъ, а сошлется на несправедливость начальства. Вѣдь, если васъ спросятъ, почему вы выгнаны изъ гимназіи, то вы не объясните это своей неспособностью къ наукамъ или тѣмъ, что васъ поймали въ воровствѣ, а отвѣтите, что къ вамъ придирались, и вы, не стерпѣвши такого отношенія, „ушли“. Не правда ли?

6) Травля, глумленіе, издѣвательство надъ флотомъ и т. д.

— Если послѣднее слово „флотомъ“ замѣнить „флотоводцами-адмиралами“, то подъ этимъ фактомъ подпишется охотно не только самъ Стессель и сухопутные офицеры (ему сочувствовавшіе въ этомъ поголовно), но и моряки, конечно, молодые офицеры и командиры судовъ; эти послѣдніе весьма непочтительно отзывались о своихъ предводителяхъ, исключая, конечно, Макарова и Витгефта.

Вотъ ваши факты; полагаю, что приведенныя разъясненія указываютъ, какъ легкомысленно вы ими жонглируете.

Далѣе, на стр. 6, вы осмѣливаетесь писать объ отношеніяхъ между генералами Стессель и Кондратенко. Ахъ! г. Ножинъ, если бы вы берегли память Романа Исидоровича такъ, какъ вы берегли его жизнь на Зеленыхъ горахъ, оттягивая его за фалды сюртука изъ мѣстъ, гдѣ „свистятъ“ (Вы помните это слово?), было бы пристойнѣй.

На Гриневича не ссылайтесь, такъ какъ имѣется трогательная телеграмма депутаціи, сопровождавшей тѣло покойнаго Романа Исидоровича изъ Одессы въ Петербургъ, адресованная генералу Стессель изъ Полтавы, и подъ этой телеграммой красуется подпись: „Поручикъ Гриневичъ“, а сама телеграмма такова:

Москва—Полтава.

Ваше Превосходительство

Анатолій Михайловичъ!

Провожая прахъ незабвеннаго героя Артура. Романа Исидоровича, всегда глубоко и искренно Васъ уважавшаго, мы невольно, перенесясь мыслями на твердыни Артура, сбильно политыя кровью защитниковъ, не можемъ не выразить и Вамъ, нашему старшему товарищу и руководителю, своего глубокаго почтенія; многое горько защитникамъ Артура и да будетъ посланикомъ правды голубь, спустившійся на прахъ покойнаго Романа Исидоровича во время панихиды въ городѣ Одессѣ.

Подпись:

Сопровождающая депутація Артурцевъ: генералъ Надеинъ; полковникъ Сейфулинъ; подполковники: Бржозовскій, Приходько; капитанъ Петржецкій; *поручикъ Гриневичъ* и Дебогорій Мокріевичъ.

Приводимый вами отзывъ Гриневича вы плохо корректировали; прочтите сами еще разъ и, если поймете, исправьте.

Что касается снисходительной небрежности въ отношеніяхъ генерала Стесселя къ Роману Исидоровичу, то въ этомъ вы, можетъ быть, упрекнете и всѣхъ офицеровъ, которые называли генерала Кондратенко въ своемъ кругу не иначе, какъ „Кондратеночка“.

Нѣтъ, г. Ножинъ, ни вамъ, ни чванливому Гриневичу такихъ отношеній не понять.

Что писалъ генералъ Фокъ о Кондратенкѣ въ

своихъ замѣткахъ—мало кому извѣстно, и тутъ вы можете сочинять все, что вамъ въ голову придетъ.

Что генералъ Фокъ не сходился въ нѣкоторыхъ взглядахъ съ генераломъ Кондратенко, какъ съ офицеромъ генеральнаго штаба, такъ это вполнѣ естественно. Не станете же вы утверждать, что генералъ Кондратенко не дѣлалъ никогда ошибокъ,—многіе ротные командиры, напримѣръ, были недовольны имъ за выщипываніе изъ ротъ по 10 человѣкъ и созиданіе 26-хъ—27-хъ—30-хъ сводныхъ ротъ, съ чужими офицерами (характерная манера генеральнаго штаба).

Далѣе, неосторожно довѣрившись генералу Смирнову, вы пишете, характеризуя непріязненныя отношенія генерала Кондратенко къ Стесселю, что Романъ Исидоровичъ не былъ на обѣдѣ 26 ноября.

Неправда! имѣется фотографія обѣденнаго стола и тамъ вы увидите Романа Исидоровича рядомъ съ генераломъ Бѣлымъ.

Послѣ обѣда Романъ Исидоровичъ сейчасъ же ушелъ, такъ какъ его вызвали по дѣлу.

Между прочимъ, это былъ не „пиръ горой“, какъ вы пишете, а скромный обѣдъ, данный генераломъ Стессель въ честь славныхъ заурядъ-прапорщиковъ, болѣе чѣмъ заслужившихъ полный офицерскій чинъ и вашими стараніями его не получившихъ. (Генералъ Стессель ихъ всѣхъ представилъ къ производству). Цѣли этого обѣда вамъ, г. Ножинъ, никогда не понять, и генералъ Смирновъ такого обѣда, конечно, не сдѣлаетъ.

Комментируя письмо генерала Кондратенко, вы говорите, что нельзя заподозрить генерала Кондратенко въ *желаніи* скорѣе сдать крѣпость; никто его въ этомъ и не заподозрѣвалъ —письмо показываетъ *увѣренность* генерала Кондратенко въ невозможности продолжительной обороны.

Дальнѣйшія разсужденія ваши о томъ, что въ крѣпости „никто не можетъ знать объ истинномъ поло-

женіи дѣлъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и т. д."—вполнѣ справедливы; таковыя именно разсужденія и были причиной того, что генералъ Стессель не послѣдовалъ совѣту генерала Кондратенко, не донесъ Его Величеству о желательности прекращенія войны, а *продолжалъ оборону Артура до послѣдняго истощенія силъ и средствъ.*

Вы спрашиваете: „А разъ кампанія выиграна, кто повѣрилъ бы *клеветникамъ?*"

Никто, г. Ножинъ! да ихъ и не было бы; они сумѣли бы примазаться къ побѣдителямъ, а вотъ ваше положеніе было дѣйствительно безвыходно: или висѣлица, или клевета... Конечно пріятнѣе и легче послѣднее, въ особенности заручившись покровительствомъ *доблестнаго* генерала Смирнова („рыцаря"!).

„Переходя далѣе къ возраженіямъ генерала Стесселя и т. д." пишете вы объ узурпаціи власти... Вотъ этого вамъ и не слѣдовало бы дѣлать: до тѣхъ поръ, пока вы занимаетесь бабьими сплетнями, у васъ выходитъ довольно гладко, ну, а переходя въ область точныхъ положеній и законовъ, вы становитесь комичнымъ: мы полагаемъ, самъ прокуроръ негодуетъ на слѣдственную комиссію за составленіе этого пункта обвиненія и онъ съ удовольствіемъ бы его вычеркнулъ изъ акта, какъ срамной для военнаго юриста, а вы напоминаете о немъ.

Затѣмъ вы снова (на стр. 9) возвращаетесь къ вопросу о наградахъ; на это мы вамъ уже отвѣтили, здѣсь же прибавимъ, что жалобы большинства офицеровъ на неполученіе ими наградъ имѣютъ основанія, но имъ неизвѣстны причины такой несправедливости; когда генералъ Стессель пріѣхалъ въ Петербургъ, и выяснилось, что масса наградъ, отправляемыхъ изъ Артура, до Петербурга не дошла, генералъ Стессель сейчасъ же по черновикамъ возобновилъ всѣ представленія, чего, конечно, офицеры, находившіеся въ плѣну, не могли знать; но затѣмъ, когда съ вашей

легкой руки началась травля, представленія черезъ генерала Стесселя (т. е. почти всѣ строевыя) начали передѣлываться и сокращаться при просвѣщенномъ содѣйствіи Смирнова (назначеннаго въ комиссію по награжденію) и многіе достойные офицеры оказались обойденными.

Изъ приведенныхъ вами примѣровъ неправильнаго награжденія остановимся на двухъ: генерала Никитина, и генерала Рейса.

Генералъ Никитинъ имѣлъ вполнѣ опредѣленное назначеніе: онъ былъ Начальникомъ всей полевой артиллеріи въ Артурѣ, оказавшей неоцѣнимыя услуги въ дѣлѣ отбитія штурмовъ и *независимо* отъ этого, почти ежедневно посѣщалъ форты и позиціи атакованнаго фронта, лично знакомясь съ положеніемъ дѣлъ, для доклада о немъ генералу Стессель, и сердечнымъ разговоромъ поддерживая бодрость духа офицеровъ и солдатъ, которые всегда съ нетерпѣніемъ ожидали его прихода. Симпатичное отношеніе офицеровъ гарнизона къ этому генералу выразилось ярко, какъ на томъ общемъ собраніи артурцевъ, *изъ котораго вы подъ громъ аплодисментовъ были удалены*, такъ и на слѣдующемъ, уже послѣ утвержденія устава въ ноябрѣ этого года; а вѣдь составъ собранія—совсѣмъ не подобранный.

— Генералъ Рейсъ, пока мы держались на передовыхъ позиціяхъ Суан-цай-гоу—Лун-ван-тань, постоянно былъ тамъ вмѣстѣ съ генераломъ Стессель, когда же войска отошли въ крѣпость, то, естественно, его мѣсто было въ штабѣ, у телефона, гдѣ онъ могъ быть всегда въ курсѣ дѣла и откуда только и могъ передавать распоряженія старшаго начальника. Помимо того, что штабъ не представлялъ безопаснаго убѣжища, такъ какъ тамъ, если вамъ память не измѣнила, убитъ (умеръ черезъ 7—9 дней) полковникъ Іолшинъ, офицеру, писавшему изъ Японіи не мѣшало бы знать, что по статуту офицеръ генеральнаго шта-

ба можетъ быть награжденъ орденомъ Св. Георгія *за полезный дѣлу совѣтъ*, т. е., не подвергаясь лично никакой опасности. Вообще, г. Ножинъ, если простительно вамъ смѣшивать роли взводнаго командира и Начальника штаба крѣпости, то непростительно генералу Смирнову не разъяснить вамъ этого.

Скажите, г. Ножинъ, что пристойнѣе: когда начальникъ занятъ своимъ дѣломъ по руководству общимъ ходомъ работы, хотя бы и вдали отъ боя (какъ это мы видимъ у японцевъ), или когда онъ фокусничаетъ, какъ генералъ Смирновъ на форту II?

Вспомните, сколько генералъ Смирновъ заставилъ потратить времени, труда, матеріала, чтобы вывести провода и кнопку изъ подземной галлереи черезъ всѣ ходы и фортъ на брустверъ, какъ онъ торжественно, въ сопровожденіи корреспондентовъ, фотографовъ и старшихъ начальниковъ выѣхалъ въ затишье на фортъ и *смѣло* нажалъ кнопку фугаса-фейерверка, повредившаго больше намъ, чѣмъ японцамъ. Какъ это красиво! не правда ли? и достойно генерала, прибавимъ отъ себя.

Всякій офицеръ согласится съ нами, что въ современной войнѣ начальникъ, руководящій боемъ, не только не долженъ, но *не имѣетъ права отдавать себя какому-либо участку боя въ ущербъ другимъ,—онъ обязанъ находиться въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ можетъ спокойно слѣдить за общимъ ходомъ боя, безпристрастно* (не въ смыслѣ награжденій, г. Ножинъ!) *судить о положеніи разныхъ участковъ и моментовъ боя и безпрепятственно* (т. е. изъ глубины къ фронту, а не вдоль фронта) *отдавать свои распоряженія.*

На стр. 12 вы говорите о преступномъ очищеніи Малаго Орлинаго гнѣзда, Куропаткинскаго люнета и Л. Б... Всякій, умѣющій читать карту, пойметъ, въ какомъ положеніи находились эти позиціи, послѣ взятія Японцами Бол. Орлинаго гн.: это послѣднее оказалось, или на флангѣ (М. Орлиное Гнѣздо, Лит. Б.) или въ

открытомъ тылу (Куропаткинскій люнетъ), что и объяснено на стр. 29-ой брошюры „Моимъ врагамъ".

Далѣе вы пишете (стр. 12-я же)... „и положеніе наше стало уже непоправимымъ. Во-первыхъ, гарнизонъ узналъ о посланномъ Стесселемъ парламентерѣ и т. д.". Что вы хотите этимъ сказать? Почему положеніе стало непоправимымъ, если гарнизонъ узналъ о парламентерѣ? Значитъ онъ былъ не противъ этого? Какъ вы непослѣдовательны, г. Ножинъ!

„Въ день и часъ прибытія парламентера въ расположеніе противника, въ его арміи никто и не помышлялъ о рѣшительномъ штурмѣ, а атака крѣпости велась по всему фронту крайне пассивно"; и это вы смѣете писать о страшномъ днѣ 19-го декабря!?... Ясно, что вы разсчитываете на неграмотность солдатъ и на полное пренебреженіе къ вашимъ писаніямъ артурскихъ офицеровъ,—иначе вы не рискнули бы позорить такъ бойцовъ Курганной батареи (поручикъ Карамышевъ), Б. Орлинаго Гнѣзда (полковникъ Голицынскій) и генеральскихъ (Митрофаніевской, Владимірской) горъ.

Выдержка изъ Норригарда доказываетъ совсѣмъ не то, что вы хотите доказать: Норригардъ говоритъ, „что взятыя японцами укрѣпленія господствовали надъ оборонительными укрѣпленіями, внутренняя линія обороны была очень слабая и Старый Городъ былъ всецѣло во власти осаждающихъ"; ясно, стало быть, что двухмѣсячная оборона 2-ой и 3-ей линій, о которой говоритъ генералъ Смирновъ,—сущій вздоръ. Что же касается придуманной Норригардомъ возможности, бросивъ Старый городъ, обороняться на западномъ и южномъ (?) секторахъ, то это, очевидно, не болѣе, какъ неудачная попытка Норригарда перейти отъ роли описателя къ роли стратега, и является такимъ явнымъ абсурдомъ, до котораго не договорился даже генералъ Смирновъ.

Дальнѣйшія ваши писанія такъ вздорны и наглы,

вы выказываете такое неуваженіе къ читающей публикѣ, что намъ противно подробно останавливаться на каждой страницѣ, но чтобы не быть голословнымъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ вашей безцеремонности.

1) Несмотря на то, что въ рукахъ генерала Стесселя имѣется офиціальная копія (полученная отъ адмираловъ) протокола засѣданія адмираловъ 6-го августа, въ которомъ говорится *о рѣшеніи адмираловъ отказаться отъ попытки прорваться во Владивостокъ*, несмотря на то, что этотъ протоколъ несомнѣнно будетъ прочитанъ на судѣ, а слѣдовательно, сдѣлается извѣстнымъ читающей публикѣ, вы на стр. 17, не смущаясь, пишете, что „на упомянутомъ совѣтѣ было рѣшено дать только часть снарядовъ крѣпости, но остальные беречь до *выхода судовъ въ открытое море*“.

2) Генералъ Стессель въ брошюрѣ „Моимъ врагамъ“ говоритъ о томъ, что Китайская стѣнка продержалась только 2 часа.

Всякому ясно, что говорится о сопротивленіи Китайской стѣны *послѣ паденія опорныхъ пунктовъ: Форта III и Укрѣпленія III*, говорится, чтобы показать нелѣпость заявленія генерала Смирнова, что Китайская стѣнка *самостоятельно* можетъ продержаться двѣ недѣли. Г. Ножинъ притворяется непонимающимъ и накидывается на генерала Стесселя за умаленіе имъ заслугъ бойцовъ Китайской стѣны. Почитайте, г. Ножинъ, телеграммы генерала Стесселя за время съ сентября по декабрь и вы увидите, какъ оцѣнивалъ онъ работу войскъ на Китайской стѣнѣ.

Кстати, г. Ножинъ, завравшись, вы приписываете блестящее отбитіе штурмовъ съ 10 на 11 августа—Китайской стѣнѣ,—вздоръ! Только *послѣ этихъ штурмовъ* серьезно заняли Китайскую стѣнку и стали ее укрѣплять; во время августовскихъ штурмовъ она была, къ сожалѣнію, слабо занята.

Не мѣшаетъ вамъ провѣрять разсказы Смирнова.

3) Увлекшись реабилитаціей адмираловъ, вы приписываете Лощинскому подвиги, о которыхъ онъ самъ не мечталъ; не думаемъ, чтобы онъ вамъ былъ за это благодаренъ.

Мины, на которыхъ погибли японскіе корабли, были поставлены совсѣмъ безъ руководства адмирала Лощинскаго по иниціативѣ и искуснымъ маневромъ капитана II-го ранга Иванова, командира миннаго транспорта „Амуръ". Объ этой постановкѣ капитаномъ Ивановымъ уже читалась лекція въ Кронштадтѣ и будетъ читаться въ Петербургѣ, и адмиралу Лощинскому въ голову не придетъ оспаривать славу этого выдающагося подвига у знатока и спеціалиста миннаго дѣла Иванова.

Впрочемъ и въ этомъ случаѣ видна замашка генерала Смирнова приписывать себѣ подвиги своихъ подчиненныхъ.

4) Приведенные вами 34 пункта обвинительнаго акта разобраны отчасти въ брошюрѣ „Моимъ врагамъ" и будутъ разбираться подробно на судѣ.

5) По поводу вашего бѣгства изъ Артура умѣстно будетъ упомянуть о „рыцарскомъ" поступкѣ генерала Смирнова, отлично характеризующемъ его мужество: *устроивъ* вывозъ Ножина, генералъ Смирновъ на вопросъ генерала Стесселя о его участіи въ этомъ дѣлѣ далъ *письменное* показаніе (оно сохранилось), что о выѣздѣ Ножина онъ *узналъ* только 9-го ноября, т. е. *недѣлю спустя*. Очевидно „рыцарство" въ понятіи г. Ножина отлично уживается со школьнической трусостью и мальчишеской ложью!

Въ заключеніе, не можемъ не указать на крайне оригинальный пріемъ вашъ,—въ подтвержденіе достовѣрности своихъ „фактовъ" ссылаться на свои же собственныя произведенія.

Да! г. Ножинъ! Россія ждетъ суда!

Россіи больно было потерять героя!

Россія всегда предпочитала „героевъ на дѣлѣ“ — „героямъ на словахъ“.

И судъ вернетъ ей этого героя.

Артурцы.

Біографическая справка о Ножинѣ.

Въ № 272 за 1904 г. „Московск. Вѣдомостей“ читаемъ:

„По наведеннымъ справкамъ удалось установить краткій, но выразительный «curriculum vitae» Ножина.

Изгнанный изъ учебнаго заведенія «за громкое поведеніе и тихіе успѣхи», онъ поступилъ въ вольноопредѣляющіеся въ 177 пѣх. Изборскій полкъ. Здѣсь онъ неудачно стрѣлялся, затѣмъ отлучился на долгое время изъ полка, а въ результатѣ легъ въ лазаретъ и былъ освобожденъ отъ военной службы вслѣдствіе „разстроенныхъ нервовъ“. Далѣе онъ женился и поступилъ на службу въ казенную палату. Семейная жизнь, однако, ему не улыбнулась, и онъ разошелся съ женой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ казенною палатой. Затѣмъ г. Ножинъ оказался въ нѣкіихъ отношеніяхъ съ жандармскимъ управленіемъ. Конечно, человѣку надо же какъ-нибудь жить, и порядочный агентъ жандармской полиціи также можетъ быть полезнымъ для отечества! Однако, и здѣсь произошли какія-то недоразумѣнія, и, говорятъ, совершенно неожиданно для жандармеріи г. Ножинъ оказался за границей, на всякій случай, конечно. Далѣе онъ перебрался въ Японію, въ Нагасаки, гдѣ якобы занимался педагогическою дѣятельностью, а въ заключеніе очутился въ Портъ-Артурѣ.

Начальникъ пѣшей охотничьей команды 28 Вост.-Сиб. стрѣлк. полка поручикъ Волченскій“.

СОЦИАЛИСТ... АКАДЕМИИ.
КИ 29/5

Опечатка.

Страница	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
16	6 сверху	Въ № 272 за 1904 г.	Въ № 272 за 1905 г.